

Шашков Серафим Серафимович

**Исторические этюды С. С.
Шашкова**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С32

С32 **Серафим Серафимович Ш.**
Исторические этюды С. С. Шашкова: Том 1 / Шашков Серафим Серафимович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 338 с.

ISBN 978-5-521-30766-1

ISBN 978-5-521-30766-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ предлагаемыхъ читателю этюдовъ первые два, относящіеся къ исторіи реакцій, взаимно пополняютъ и объясняютъ другъ друга. Послѣдніе же четыре этюда изъ исторіи Сибири, повидимому, не имѣютъ съ первыми ничего общаго, но въ сущности, и тѣ и другіе проникнуты одной идеей, занимаются одними и тѣми же проявленіями народной жизни. Они посвящены изображенію той системы злоупотребленій, которая опираясь на невѣжественную, неразвитую массу, преслѣдуетъ одни только сословные или корпоративные интересы, задерживая прогрессивное развитіе народа и воспитывая его въ понятіяхъ и чувствахъ традиціоннаго консерватизма. Изъ четырехъ послѣднихъ этюдовъ читатель увидитъ результаты осуществленія тѣхъ ретроградныхъ принциповъ, исторіи которыхъ посвящены два первыхъ этюда.

Всѣ этюды были уже напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ „Дѣлѣ“. Для настоящаго изданія они исправлены и значительно дополнены.

Авторъ.

I.

РУССКІЯ РЕАКЦІИ.

РУССКІЯ РЕАКЦІИ.

Со времени Петра I, оторвавшего Россію отъ Востока и придвинувшаго ее къ Западу, русская исторія представляетъ рядъ прогрессивныхъ движеній, постоянно прерываемыхъ болѣе или менѣе продолжительными и сильными реакціями. Реакціонную силу всегда представляло то огромное большинство, которое было недовольно реформами Петра, которое боялось всякихъ нововведеній, какъ чего-то враждебнаго своимъ личнымъ интересамъ,—тупое и самодовольное большинство, подозрительно смотрѣвшее на всякую прогрессивную мѣру. Это упорное противодѣйствіе прогрессивнымъ началамъ было не столько результатомъ теоретической мысли, вооружавшейся противъ крайностей и переходившей въ противоположную крайность, сколько слѣдствіемъ явной и скрытой ненависти къ этому порядку вещей, который нарушалъ пассивное состояніе невѣжественной массы и эксплуатирующей ее партіи крѣпостниковъ. Теорія въ подобныхъ случаяхъ только оправдывала и санкціонировала практику, набрасывая на ея неблаговидности покровъ фальшивой справедливости и разумности.

Значительное количество вновь изданныхъ матеріаловъ по исторіи двухъ послѣднихъ столѣтій даетъ намъ нѣкоторую возможность познакомиться съ характеромъ, интригами и тенденціями нашихъ реакціонеровъ со времени Петра I.

I.

1698—1725 г.

Сближеніе съ Европой Россіи, коснѣвшей подъ давленіемъ своей византійско-азіятской культуры, началось задолго до Петра, но это сближеніе было крайне медленное и одностороннее, въ родѣ того, какое происходитъ въ настоящее время въ Китаѣ, Японіи, Персіи, Турціи. Геній Петра поставилъ себѣ цѣлью ускорить это сближеніе и сдѣлать его всестороннимъ. Сонная, апатичная, зараженная азіатскою косностью Русь почувствовала удары молота по своей головѣ, наносимые гигантскою рукою реформатора,—и началась всенародная страда преобразованія. Работа шла быстро, какъ не шла она на Руси ни прежде, ни послѣ того, но все-таки была медленною для Петра, незнавшего усталости, знакомаго съ энергіей и предпріимчивостью европейцевъ. Медленность была для него преступленіемъ. „Губернаторы наши зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ“, писалъ онъ однажды, угрожая на будущее время „уже не словами, а руками со оными поступать“. Подобныя угрозы рѣдко не приводились въ исполненіе, и не одни губернаторы, а даже особы повыше ихъ знакомились съ прочностью извѣстной дубинки царя-плотника. Но дубинка была еще однимъ изъ самыхъ легкихъ наказаній за медлительность. Вотъ, наприим., Петръ велитъ оберъ-президенту главнаго магистрата поспѣшить устройствомъ въ Петербургѣ цеховъ и магистрата. „А ежели сихъ двухъ дѣлъ не учините въ пять мѣсяцевъ, или въ полгода, то ты и товарищъ твой Исаевъ будете посланы въ работу каторжную“. Ускоряя дѣло преобразованія, желая перестроить по новому образцу всю народную жизнь, начиная съ государственныхъ учреждений и кончая мельчайшими подробностями частнаго

быта и промышленности, Петръ довелъ господствовавшую тогда систему регламентаціи до послѣднихъ границъ. Всѣ должны были жить и работать не такъ какъ прежде, а по новому, какъ предписано царскими указами: ослушникамъ—наказаніе. Въ концѣ 1715 г., напр., Петръ издалъ слѣдующій указъ: „Понсже юфть, которая употребляется на обувь, весьма негодна къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватить, расплывается, и вода проходитъ, того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастера къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣскольку человекъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ два года; послѣ чего если кто будетъ дѣлать юфть по прежнему, тотъ будетъ сосланъ въ каторгу и лишенъ всего имѣнія“.

Поставивъ себѣ цѣлью сдѣлать изъ Россіи сильное европейское государство, Петръ весь отдался этой цѣли, и для достиженія ея жертвовалъ всѣмъ, даже самимъ собою. Идея государственной пользы, понимаемая въ духѣ того времени и осуществляемая сообразно съ русскими обстоятельствами, заставила Петра поддерживать крѣпостное право. Славянофилы укоряютъ его за это, умалчивая о томъ, что въ петровское время объ освобожденіи крестьянъ не думали даже и въ Европѣ, и что допетровская Русь успѣла сдѣлать крѣпостное право основою государства, основою, къ которой не посмѣла прикоснуться даже такая желѣзная рука, какъ Петра I.

Главною сословною силою древней Руси былъ тотъ классъ, который впослѣдствіи получилъ названіе дворянства. Это не аристократія въ европейскомъ значеніи этого слова, не раса побѣдителей, привилегіи которой основаны на породѣ, а только служилое сословіе, какъ уже видно изъ самаго названія. Дворянство образовалось изъ *дворни*, изъ придворныхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ. Даже дворовые люди на-

мѣстниковъ, будучи рабами, назывались иногда *дворянами*, а въ Малороссіи дворя старшинъ и шляхетства носила названіе *дворянъ* даже въ XVIII в. (Романовичъ-Славатинскій, *Дворянство въ Россіи*, 4; Сергѣевичъ, *Вѣче и Князь*, 354). Самые древніе аристократическіе роды произошли отъ *побужденныхъ* удѣльныхъ князей, отъ выходцевъ литовскихъ, нѣмецкихъ, монгольскихъ, татарскихъ, отъ лицъ, *пожалованныхъ* царскою милостію. Составляя *дворянъ* владѣльца московскаго, они не могли имѣть того значенія, какимъ пользовались аристократы Европы. Европейскіе аристократы считались *равными*, т. е. равными между собою; а король былъ среди ихъ, какъ первый между равными; наши же бары назывались и были въ дѣйствительности *холопами великаго государя*. Но историческія условія дали возможность этимъ *холопамъ* государя превратиться въ *господъ* народа. Члены этого сословія вмѣстѣ съ зависимыми отъ нихъ людьми составляли военную силу государства, занимали всѣ важныя должности и были опорой московскаго трона. Вмѣсто жалованья имъ давались помѣстья; если помѣщикъ плохо исполнялъ службу или вовсе не исполнялъ ея, то у него убавляли помѣстной земли или совсѣмъ отнимали ее. Массы простого народа, побуждаемые страшною нищетою и необходимостью имѣть въ тѣ грубыя времена надежнаго покровителя, впадали въ кабалу и другія формы зависимости отъ знати. Въ XV и XVI в. годовой доходъ крестьянина простирался отъ 1 р. до 4 р., и половину этой суммы онъ отдавалъ въ видѣ налоговъ. Чтобы не умереть съ голоду, онъ шелъ въ кабалу и рабство. Нищета до такой степени усилила предложеніе рабовъ, что при Иванѣ III рабъ стоилъ 1 рубль, т. е. столько же, сколько стоила лошадь, а при Иванѣ IV 3 р. (Хлѣбниковъ, о Вліяніи Общ. на Организ. Государства, 20, 47, 51, 66). Но такимъ порабощеніемъ массъ и привилегіями первостепеннаго сословія притязанія дворянства не ограничивались. Въ лицѣ своихъ древнихъ и знаменитыхъ фамилій оно стремилось къ олигархіи и хотѣло

раздѣлить съ самодержавіемъ государственную власть, что ему неразъ и удавалось, напр., въ правленіе Елены и по смерти ея до совершеннолѣтія Ивана Грознаго. При чемъ бары не упускали случая набить свой карманъ самымъ непристойнымъ образомъ, они, напр., воровали изъ дворца серебряную посуду и перечекаивали на ней вензеля на свое имя (Курбскій, 182). Ужасными казнями и неимовѣрными жестокостями Иванъ хотѣлъ задушить олигархическую интригу и завѣщалъ своимъ преемникамъ устремить всѣ усилія на борьбу съ притязаніями боярства. Но едва только умеръ Грозный, какъ боярскія партіи начали бороться за обладаніе государствомъ, которое и досталось временщику Годунову, правившему отъ имени Θεодора Ивановича. Началось крѣпостное поработеніе народа. Митрополитъ Даніилъ первый испросилъ прикрѣпленіе къ землѣ своихъ крестьянъ (Акты Ист. I, № 215). Борисъ, угождая боярамъ, прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ, сдѣлалъ патріарха своимъ орудіемъ и такимъ образомъ расчиталъ себѣ дорогу къ трону, на который онъ избранъ своими сторонниками, составившими „земскій соборъ“. Борисъ отстоялъ свою власть отъ ограниченія, котораго требовали бояре, и послѣдніе сдѣлались его врагами. Деспотизмъ Годунова, закрѣпощеніе крестьянъ, предоставленныхъ произволу помѣщиковъ, законъ, въ силу котораго свободный человѣкъ, добровольно прослужившій у господина полгода, дѣлался его холопомъ, разореніе страны, ужасный голодъ — были послѣдствіями олигархической интриги, приготовившими смутное время. Россія независимо отъ своего распадѣнія на областныя части, сохранявшія нѣкоторые остатки прежней самобытности, распалась еще на два враждебныхъ лагеря. Въ одномъ стали — дворянство, стремившееся къ окончательному развитію крѣпостного права и къ олигархіи, духовенство, имѣвшее общіе съ дворянствомъ крѣпостные интересы, наконецъ, всѣ „лучшіе и середніе люди“, купцы, зажиточные промышленники и т. д.; въ другомъ лагерѣ собиралось все бѣдное и угнетен-

ное, — крестьяне, разные бѣглецы, инородцы и массы воинственнаго казацкаго пролетаріата. Олигархическія стремленія бояръ въ это время выразились въ полной силѣ. Бояре утверждаютъ на престолѣ Федора Борисовича и обманываютъ провинціи, будто-бы онъ избранъ земскимъ соборомъ. Боярская партія Шуйскихъ свергаетъ и убиваетъ Лже-Дмитрія, выбираетъ Василя Шуйскаго, и Россію вторично обманываютъ насчетъ избранія посредствомъ земскаго собора. Свергаютъ Шуйскаго, правленіе страною беретъ на себя временное боярское правительство. Королевичъ Владиславъ призывается на царство также всею землею, хотя выборные не съѣзжались и не могли съѣзжаться въ Москву. Власть Владислава и въ дѣлахъ управленія, и въ дѣлахъ законодательства была ограничена боярами, которые, между прочимъ, обязали его поддерживать подкрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Между тѣмъ, массы народа приходили въ окончательное истощеніе, страдая отъ боярскихъ дружинъ, отъ поляковъ, отъ шведовъ, отъ междоусобицъ, отъ казаковъ, отъ голода. Самое существованіе Россіи, какъ независимаго государства, находилось въ опасности. Народъ, такъ долго бывший игрушкою въ рукахъ самозванцевъ и разныхъ другихъ пройдохъ, началъ оставлять свои домашнія распри и соединяться съ высшими классами для спасенія отечества. Руководители движенія, въ родѣ Ляпунова, призывая чернь подъ свои знамена, имѣли смѣлость обѣщать ей и жалованье, и волю. Но народная громада, спасаая отечество, не въ силахъ была спасти своей свободы. Въ смутное время раздача помѣстій страшно увеличилась; раздавали всѣ—и Лже-Дмитрій, и Василій, и Тушинскій самозванецъ, и король Сигизмундъ, и даже провинціальныя воеводы. Когда же началось народное движеніе, спасеніе Россію, и во главѣ его стало дворянство вмѣстѣ съ духовенствомъ, то и этотъ великій актъ нашей исторіи сопровождался сильнымъ расхищеніемъ родной земли и порабощеніемъ псававшаго ее народа. Подъ Москвою, куда должна была